

Аркадий Филёв

Мои записи. Тетрадь №1

Вроде предисловия

Припоминая прожитые пять-шесть лет, хочу свои воспоминания привести в порядок. Что может из этого получиться? Конечно, многоуважаемые друзья, не роман и не повесть. Будут только простые и лаконичные записи простого учителя. И если доведётся почитать кому из друзей моих, то пусть не сетуют на сухость моих строк. Я не художник, который одной умной строкой может удивить свет и вас, дорогие друзья; а поэтому здесь нет ни крупицы той художественности, которой требует взыскательный читатель. И факты, и имена будут те же самые, как встречал я за свою короткую бытность в знакомом мне селе. Постараюсь изложить так, как было, а если кого и заденет неосторожное перо, прошу простить, как невинного школьника, слегка пошалившего в свободную минуту.

А когда будет начато и закончено сие творение, скажет мне усмехнувшись в ус взыскательный читатель.

Не откладывая в долгий ящик, я постараюсь начать в сию минуту, а окончу не споро, помня одну русскую пословицу: «Скоро да не споро!»

С глубочайшим почтением ваш друг.

11 часов вечера 10 сентября 1940 года.

Тетрадь 1-ая

Год 1933.

I.

Так вот, друзья мои, и расстаёмся с вами! Надолго ли, быть может навсегда. Когда и где мы встретимся – никто не может сказать, да и нужно ли это? У каждого своя дорога, свой заведомо установленный путь: пока в летние каникулы съездить на родину, а потом, забрав свои скудные студенческие пожитки, ехать по адресу врученной каждому путёвки. А всё же жаль расстаться со своими знакомыми друзьями, знакомым городом и школой. Я любил этот маленький, но чистенький город, город со знакомыми мне тополями, стройно поднимающими свои пирамидальные вершины в голубое небо. Проходя по улице, я часто любовался ими и вот приходится теперь расстаться. Я любил и школу, как любят дети свой родной дом. Мне школа действительно казалась домом родным. И теперь, спустя лет семь, я отчётливо представляю каждую комнату, расположение шкафов и парт, я помню своё студенческое место. Уезжая домой, я ещё раз обошёл свой родной дом, как будто стремился запомнить всё до мелочи. И больше всего мне было жаль покидать своих друзей. За три года совместной работы мы сдружились на славу и понимали друг друга даже с полуслова. Каждый из нас уважал своего товарища, как и себя, делился последними крохами, сохранившимися от студенческого пайка, делился гостинцами, посланными из дома заботливой мамашей. И гостинцы эти были на диво вкусны и сладки, хотя они и начинали портиться. Как не припомнить того вечера, когда Жилин Жоржа, так мы звали одного из друзей, сделавшись доморощенным кашеваром, в окружении всей братвы на раскалённых докрасна углях варил самую обыкновенную кашу из ржаной муки. У нас на родине такую кашу называют поварихой, каша-повариха так и зовут её. И вдруг долгожданная наша каша появлялась на стол горячая и сытная. Пар клубился и привлекал наше обоняние. Все брались за ложки. Но вот беда: у двух-трёх человек не хватило ложек. Как быть? Наскоро мастерим палочки из лучины, которые славно сходили за ложки. И через пятьдесят минут каши как не бывало. Мы едва ли могли что-нибудь съесть в одиночку. Хоть и мало, но разделим между собой. Наконец-то нам приходилось расстаться. Что же делать? Мы радовались открывающейся перед нами трудовой жизни, радовались предстоящей работе, но поверите, чувствуя близкую разлуку, слегка грустили. Последние вечера мы, парни и девушки, проводили вместе. Больше всего мы пели песни с какой-то залихватской удалью. Пожалуй, не осталось ни одной песни не спетой нами.

И вот, наконец, были уложены у каждого свои пожитки; больше всего книги и тетради. Каждый собирался отправиться домой. Прощались просто: без причитаний и слёз, крепко и горячо, надеясь на будущие встречи. А на следующий день, когда солнце, показавшееся из-за горизонта, возвещало утро, с белыми за спиной котомочками мы отправились в путь. Дорога предстояла далёкая, а день ожидался жаркий. Как-то не верилось, что этим и кончились наши лучшие годы юности – годы учёбы. Я ещё не вынул из бокового кармана своё направление, на котором значилось: «Предъявитель настоящего Филёв Аркадий Александрович, окончивший В-Устюгский педтехникум, направляется на работу в качестве преподавателя обществоведения и истории в Подосиновский район». И внизу, в правом углу, разносистая подпись с немецкой S – директор С. Мадасов. Бережно сложив документ, я в последний раз взглянул с горы, которая издавна называется Медвежьей горой, на оставшийся позади город, и крикнул попутному ветру: «До свидания, родной город! Здравствуй новая жизнь!» И ветер, подхватив слова, с каким-то юношеским задором унёс в желанную мне сторону. Через минуту я шёл знакомой дорогой, которая шла волоком.

II.

Проходили жаркие солнечные дни июля. Я за лето отдохнул и набрался сил. Отпуск мой уже кончался, а я всё ещё не знал своё место работы. И вот в конце июля я отправился в район. Село Подосиновец было в восемнадцати километрах от дому. Часов в 12 я уже был в кабинете заведующего РОНО. Отдел народного образования располагался в достаточно просторной комнате, но в обстановке комнаты не было порядка. У каждого прохода, а их было четыре, стояло по столу и стулу. За каждым столом сидели работники и занимались делом по своему усмотрению: один из них парень, дюжей природы, листал какие-то старые архивные журналы, тщетно надеясь найти нужное. Второй – толстый с отросшими волосами сидел и допивал из стакана чай и, когда подносил стакан к губам, всегда обжигался, но глотал чай настойчиво и терпеливо. Третий – быстроглазая девица, держа в руке карандаш, а в другой линейку, задумчиво смотрела в окно: пыталась ли она запечатлеть проходящих по тротуару или, быть может, наслаждалась солнечным июльским днём, или занесла мечта, Бог знает в какие края, – трудно было угадать, но работа пока не двигалась. В самом углу в плетёном кресле сидела маленькая, уже пожилая женщина, углубившаяся в бумаги. Она была в обычном костюме, в тёмной кофточке с зелёным воротничком. Как я узнал позднее, она носила всегда зелёные воротнички. На стенах было несколько портретов, да около шкафа было косо повешено объявление: «Не курить!» По

всему было видно, что не была уже давно здесь заботливая рука хозяина. Постоянно приходили люди, наговорившись досыта, уходили, а некоторые приходили, помолчав две-три минуты, уходили снова, снова приходили и снова уходили. В комнате было накурено, и синий дымок окутывал потемневший потолок. Как видите, объявление о не курении не замечалось никем. Очутившись в отделе народного образования, я, было сначала, попал в замешательство: к кому же обратиться, но, не дожидаясь, я подошёл к женщине с зелёным воротничком. Хотя посетителей было много, но один из стульев был не занят, куда и примостился я. Через четверть часа я был уже назначен в Шолгскую неполную среднюю школу, только что открывающуюся вновь. Заведующая районо Ивонинская Ольга Платоновна оказалась внимательной и рассудительной женщиной. Хотя мне и не хотелось ехать в Шолгу, но она меня убедила так, что я, пожалуй, и не раскаивался в своей судьбе. Директором будет работать в школе Якимова. Кратко рассказала мне о шолгских работниках, говорила, что там хорошие и сильные работники, что найдёшь помощь со стороны стажистов и ещё многое в этом роде, что обычно говорят новичку, используя поговорку: «Не похвалишь – не продашь». Многие из сказанного мне я по выходе на улицу забыл, оно не являлось видимо существенным. Выйдя на улицу, я увидел, что к вечеру будет гроза. Мелкие барашковые тучи соединялись, покрывали одна другую и стояли неподвижные и мрачные. Ветер на время затих. Солнце спряталось за тучи. Я решил зайти в столовую. В столовой людей было немного. Покупаю так называемые талоны и сажусь за стол. Напротив меня сидел какой-то пожилой человек с красным, как морковь, носом, и пел себе бесконечную песню. Бог знает, когда бы она кончилась, если бы не официантка, которая попросила прекратить пение. Он бессмысленно посмотрел на неё и сказал: «Прошу». Официантка ушла. Через минуту песня повторилась. Я терпеливо дожидал, когда принесут мне обед. Наконец терпение лопнуло, я решил навести справку. Оказывается, официантка Катя куда-то удалилась в неизвестном направлении. Жду ещё пять минут. И вот обед на столе. Смотрю, в тарелке с супом самая настоящая муха. А мух в столовой было такое множество, что кажется, они, сговорившись, слетелись со всего мира. К моему удивлению все окна были открыты и без сеток. Мухи залетали и по их собственному желанию улетали. По моему требованию тарелку с супом унесли и принесли обратно уже без мухи. Муха получила заслуженную кару. Наскоро пообедав, я спешил найти лошадь и ехать в Шолгу. И вот напротив магазина я встретил пожилого старичка, который согласился довезти до Шолги. Он сначала осведомился обо мне и узнавши, что дело имеет с учителем, не говоря о цене снаряжал каречка. Наш каречко был действительно на вид не завидный: шерсть как-то лезла и

топорщилась, уши отвисли, ноги были не в пример косые, но ямщик Иван Петрович говорил, что лошадь добрая и повезёт без хитрости. Подвязав голову лошади к дуге, Иван Петрович забрал остатки сена из-под головы каречка и бросил в телегу. Через несколько минут наша телега уже пылила по просёлочной дороге. «Так значит едешь в Шолгу? А и весело будет тебе там. Там много разных служащих, спектакли и всё такое...», – и, не dokonчив, махнул кнутом по плоской спине каречка. Наш каречко потрусил мелкой рысью, а телега с изредка потряхивала на ухабах. «А и молод же ты, товарищ, не боишься, что тебя ребята слушать не будут? У нас ребята смелые, ты выколи глаз – они другой подставят. Я вот со своим Митькой не как не управлюсь. Такой право баловень не баловень, а смелый шибко. Что скажет, как обрежет. Да, ничего, – уж успокоительно продолжал дед, – ныне все учителя молодые, а ученые, не растеряются. Вот тут была учительница одна молодая такая, а боевая и обо всём она тебе расскажет, право умная была. Уехала. Жалели и ребята её». Я постарался сомнения деда развеять, что, мол, дело у рук уже бывало, что был дважды на практике, да и страшного, мол, ничего нет. Дед, не ответив, опять махнул кнутом, тем самым разогнал лошадиную дрёму.

Дорога, хотя медленно, но подвигалась. Через два часа с четвертью мы уже ехали по берегу реки Юг. Река мелкая, но извилистая плавно несла свои голубые воды. Вдали показалась старинная церковь, а вокруг её, как наседки, разместились домики. Чем ближе подъезжали к селу, тем явственнее становилось оно со всеми деталями. Дождь начал накрапывать. Мы спешили ехать. И вот уже перевоз. Перевозчик Фёдор Иванович, посмотрев на меня, осведомился, куда я еду и, узнав, добавил: «Опять собираются учителя. Вот оно лето-то и прошло. А давно ли, кажись, и кончили учить. Опять уж скоро начинать». Я спросил перевозчика: «Где находится здание школы?» Он мне указал, куда мне ехать и где лучше переночевать. Я и не заметил, как мы переехали реку. И вот мы поднялись на крутой и песчаный берег. Вот оно и село, то самое, где мне придётся неизвестно сколько прожить. Как примет оно меня. Как пойдёт моя жизнь. А слова, сказанные ямщиком, запали глубоко: червячок сомнения был. В самом деле, справлюсь ли с работой. Но ведь у меня есть знания и неплохие – думал я. Получу ли авторитет учителя у учащихся и крестьян? – а это главное – думал я. Можно ли будет работать, если на первых шагах да сразу и провалишься? Конечно, нет. Впереди была полная неизвестность ожиданий. Пока я вдавался в такие мысли, мы уже подъезжали к школе. Она стояла на краю села, окруженная лиственным лесом.

Не успел я подъехать как навстречу выбежал рослый мужчина в сапогах, в светлом макинтоше. Кепка, с наплывом назад, сидела почти на затылке, а из-под кепки выбивались пряди волос огненного цвета. Во всей фигуре было что-то бойкое и разбитное. Кажись каждый, увидевши впервые, сказал бы: «Эх, и наградил же тебя родитель бойкой и расторопной натурой!» И больше к этому ничего бы и не прибавил. Трудно было сказать что-нибудь определённое о нём. А он быстро подбежал, слегка наклонив голову и заглядывая с ужимкой в лицо, словно кошка, высматривая поживу, громко и отчётливо произнёс: «Коковин». И всунул свою широкую руку в мою. «А звать как Вас?» – спросил я. «Михаил Николаевич», – тем же тоном отвечал он. Я скупой откомендовал себя. Расплатившись с ямщиком, я пошёл на квартиру Коковина, так как он пригласил пить чай. Он жил на втором этаже в просторной и чистой квартире. Когда я зашёл, я увидел маленькую женщину, суевившуюся около стола. По своей внешности она была полная противоположность хозяина. Говорила каким-то тонким голосом. Познакомившись с хозяйкой, мы сели за стол. К чаю появилось всё: и масло, и мёд, и сметана. Видно, что он живёт семейно и хорошо. Всматриваясь в меня, он предложил с дорожки водки. Чувствуя холод и усталость, я не отказался. Так завязалось первое знакомство с шолгскими жителями. За столом я пристальнее рассмотрел его. Волосы действительно были огненно рыжего цвета и прядями сползали на лоб, глаза маленькие и голубые беспокойно бегали и как будто искали чего. В них не было ни грусти, той, которую часто можно заметить в глазах, ни радости, а какое-то было беспокойство. Он сразу стал расспрашивать меня о городе, где и он учился пять лет тому назад. Сразу можно было понять, что это человек бывалый. Он действительно знал в городе многих, не только тех, которые остались в живых, но и тех, кто давно умерли. Мне показалось, что он хотел показать себя человеком практичным и имеющим большое товарищество. Я говорил мало и скупой отвечал на его вопросы. Причиной этому было то, что я устал за дорогу, да и при первой беседе быть человеком нарастопашку не следует. Михаил Николаевич долго говорил о своих знакомых, друзьях, больше о девушках, не забывая и о своей роли среди них. Я остался ночевать у Коковина.